

В. В. Колесов

СПбГУ, Санкт-Петербург

Ю. С. СОРОКИН — ЧЕЛОВЕК И УЧЕНЫЙ

Среди студентов филологического факультета Юрий Сергеевич значился как *ЮС Большой* — в отличие от *Юса Малого* — тоже Юрия Сергеевича, но Маслова. Физически и лично это были две противоположности, но в одном они сходились — подчеркнуто интеллигентные, замкнутые, сосредоточенные на предмете своих действий — вообще важная особенность каждого настоящего ученого, неотвязно вдумывающегося в свои мысли. ЮС Большой прихрамывал, часто мы видели его с палочкой, но его сухоощавая прямая фигура всегда выступала с достоинством и с некоторым отчуждением. Изредка лицо его озарялось иронической усмешкой, но как бы с некоторым запозданием от его источника, так что оставалось неясным, относится ли она к только что сказанному, или это — ответ на предыдущие речи.

Я слушал спецкурс Юрия Сергеевича третьекурсником в осеннем семестре 1954 года. В те годы он заведовал кафедрой общего языкознания, теоретической по определению. Слушателей было два: я и Александр Константинович Гаврилов, ныне известный филолог-классик, доктор и профессор. Удивительным было сочетание нашей троицы: Ю. С. Сорокина интересовали проблемы стилистической лексикологии, Саша вообще был не русистом, а я ковырялся в старинных рукописях, вылавливая в них фонетические отклонения. И вместе с тем мы участвовали в спецкурсе, посвященном горестной судьбе полузабытого на тот момент казанского лингвиста Н. В. Крушевского, ученика И. А. Бодуэна де Куртенэ. Страница за страницей разбирали мы его «Очерк науки о языке» 1883 года — библиографическая редкость — с обширными комментариями самого Бодуэна, написавшего большой некролог на любимого ученика. Теперь я понимаю стратегическую задачу лектора. Он хотел посвятить нас в тайны *настоящей* филологии, только-только возвращенной на

студенческую скамью, и для этого избрал прозрачный и точный текст Крушевского в обрамлении ярких заметок Бодуэна, оттенявших глубину этого текста и одновременно повествовавших о жизненных невзгодах его автора. Не знаю, как, но это сочетание судьбы и науки, судьбе в науке каким-то образом откладывалось в нашем сознании как представление об их слиянности: наука требует тебя всего и до конца. С тех пор я увлекся проблемами истории русского языкознания, да и А. Гаврилов отдал дань внимания этому предмету, опубликовав большую монографию о Генрихе Шлимане.

Читал Юрий Сергеевич, сидя перед нами за общим столом, как сейчас помню — в пустынной комнатке между кабинетом декана и партбюро, в памяти слабый свет верхней лампы, наши склоненные над листами лица и погружение в глухой скрипучий голос лектора. Ю. С. Сорокин именно *читал* лекции, временами отрываясь взглядом от текста и вглядываясь в нас несколько отстраненным взглядом. Складывалось впечатление, что он переживал коллизии излагаемого материала. Попутно излагались многие детали прошлого лингвистического быта, вынесенные, может быть, из рассказов старших коллег, полузабытых слухов, которым позже я нашел подтверждение в Архиве АН, работая над статьей о Бодуэне. Сам Ю. С. Сорокин извлек из Архива лекции И. И. Срезневского по истории русского языка (1849) и издал их с большим предисловием и комментариями (1959). Тоже своего рода веяние времени: возвращение к сравнительно-историческому языкознанию после годов лингвистического запустения. Надо заметить, что в те годы все профессора факультета читали заранее составленные и написанные лекции. Думаю, это не было простым следованием старой университетской традиции, но и объяснялось производственной необходимостью. Некоторые, наиболее общие, лекции размножались на гектографе и выдавались в библиотеке перед экзаменами, заменяя отсутствующую учебную литературу. Да и проверялись, видимо, эти лекции на предмет ереси: все-таки профессора-то были под подозрением, только что прошли процессы по «Ленинградскому делу», и некоторые из наиболее активных оказались в узилище.

И впоследствии я неоднократно сталкивался с Ю. С. Сорокиным, частенько бывал в Картотеке XVIII века, получил

почетное поручение рецензировать первый выпуск «Словаря русского языка XVIII века», который вышел в 1984 году. Добрую половину тома составляли слова на букву *А*, разумеется, все заимствованные, и меня поразила графическая дотошность составителей, которые одно слово представляли в разных написаниях: *адъютант* — *адьютант*, *атьютант*, *атьютант*, *отьютант*, *аджутант*, *алдьютан*, которые после моих замечаний свели в общую словарную статью с указанием вариантов. Видимо, я выполнил первую в моей жизни рецензию на рукопись словарного тома вполне прилично, за что и получил книгу с надписью с благодарностью «нашему сочувственнику и снисходительному рецензенту».

С научными трудами Ю. С. Сорокина я впервые столкнулся после публикации им в журнале «Вопросы языкознания» большой статьи «К вопросу об основных понятиях стилистики» [Сорокин 1954]. Эта статья вызвала шквал рецензий и печатных отзывов (более дюжины), настолько актуальной и своевременной она оказалась сразу же после отмены «нового учения о языке». Она и сегодня не потеряла своего значения, и не только как исходная точка современной науки о стиле (а сколько тут старателей!), так что перепечатать ее было бы не вредно для начинающих филологов. Надеюсь, Академия найдет средства для публикации сборника трудов Ю. С. Сорокина.

Помню, как ранним летом 1954 года мы собирались к поездке в диалектологическую экспедицию, и наш сокурсник Борис Павлов принес свежий номер этого журнала. Теперь трудно представить, что мы — студенты «лингвистической группы» — активно обсуждали научную статью, а не вели пустых разговоров на разные побочные темы. Споры были яростные, некоторые просто отрицали наличие стилей в современной речевой культуре; видимо, они-то и были больше всех правы: теперь известно, что стилистическое измерение текста есть эффект личного восприятия, ненаучная категория, и отмеченная Сорокиным аналитическая стилистика до сих пор продолжает накапливать субъективные впечатления их авторов от чтения классиков. До теоретического синтеза еще далеко. Но мы спорили: такое было время. Тогда социальная атмосфера вокруг науки была совер-

шенно иной — каждый был заинтересованным слушателем и особенно ценил отвлеченные истины, погруженные в жизнь.

До сих пор я часто использовал местоимение 1-го лица, что понятно: мой рассказ — *личные* впечатления о человеке, уважаемом и достойном; у каждого сохранились другие представления о встречах и беседах с ним. Теперь перехожу к изложению в 3-м лице, пытаясь очертить творческий путь ученого.

Творческий путь Ю. С. Сорокина поражает целеустремленностью и отборными результатами. Начал он с изучения особенностей языка писателей: Белинского (1948), Чернышевского (1949), Писарева (1949) — характерный подбор источников, неизбежный в то время; затем последовали исследования языка Пушкина (1953), Гоголя (1954) (с программой составления Словаря Гоголя, 1960), о «первом поколении филологов в Петербургской Академии»: Адодуров и Третьяковский (1975) и т. д., не говоря уж о работе, посвященной учителю — академику В. В. Виноградову (1970). Своего рода пробными словарными статьями явились лексикографические этюды, посвященные отдельным словам: *реализм* (1952 и 1957), *влияние* (1965), *растение* (1966), некоторые производные слова (1969), а также *махры* — *махровый* (1969), тоже весьма знаменательный подбор слов, особенно термин *реализм*, обсуждение которого в филологическом и философском смысле тогда активно велось. Это был момент ожесточенной борьбы западного номинализма и русского реализма, и номинализм на время победил.

Накопление материала позволило поставить вопросы теоретического плана. Уже в 1952 г. появляется статья «Вопросы периодизации истории русского литературного языка XVIII–XIX вв.», а затем ряд уточняющих предварительные заключения работ: «Об общих закономерностях развития словарного состава русского литературного языка XIX в.» (1961), «Элементы историзма в Словаре Академии Российской» (1961), «Что такое исторический словарь» (1975), и т. д. с конечным результатом — статьей «О “Словаре русского языка XVIII века”» (1965). Общим итогом стала большая монография — докторская диссертация — «Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е годы XIX века (1965). Более тысячи слов были документально определены, истолкованы и лексикографически описаны. В рус-

скую науку вошли сведения о том, как активно и целеустремленно развивался *письменный* русский язык, постепенно проникавший в дотоле неразработанную *понятийную* стихию речи: как происходило «мужание русского слова». Мало-помалу возникало убеждение, что начинать следует с первых подступов этого процесса — с XVIII века. Ю. С. Сорокин активно работал над программой словаря, над подбором источников, собирал сотрудников и ревнителей общего дела. Личным авторитетом и постоянной настойчивостью он добился составления обширной картотеки — гордости Института языкознания (в настоящее время — Институт лингвистических исследований РАН). Работа продолжалась и дальше, появились статьи «О нормативно-стилистическом словаре современного русского языка» (1967), «У истоков литературного языка нового типа» (1982) и т. д. Возникал план создания «Словаря русского языка XIX века». Но этим работам не суждено было осуществиться. Дело современных сотрудников Словарного отдела ИЛИ РАН продолжить эти начинания.

Хочу остановиться (для примера) на проблеме развития русского языка в XVIII веке — самой заветной и наиболее разработанной Ю. С. Сорокиным проблеме.

Еще Н. М. Карамзин заметил, что, «разделяя слог наш на эпохи, первую должно начать с Кантемира, вторую с Ломоносова, третью с переводов г. Елагина, а четвертую с нашего времени, в которое образуется приятность слога». По существу, этой точной характеристике современника следуют все последующие исследователи века, уточняя детали и называя другие имена. Специально для наших целей важно мнение составителей «Словаря русского языка XVIII века», владеющих обильным словесным материалом; они руководствовались суждениями Ю. С. Сорокина, высказанными им в статье 1952 г. «Вопросы периодизации истории русского литературного языка XVIII–XIX вв.». «Секторяне» делят век, исходя из *семантического развития слов*: Петровское время до 1739, Ломоносовское до 1780-х гг. и время «нового слога» до 1805 г. — три синхронных среза, в которых свободно располагается словарный материал. Сам Ю. С. Сорокин выстраивал четырехчастную периодизацию, он выделил четыре этапа, принимая во внимание историю литературного языка: до 1730 г. в качестве литературного сохраняется

церковнославянский язык, в 1730–1740 гг. он устраняется (в переводах Тредиаковского в пользу «языка света»), в 1741–1790 гг. возникает стилистическая дифференциация языка художественной литературы с устранением иностранных слов и возвращением церковнославянизмов, а в конце XVIII — начале XIX вв. формируется устный вариант литературной речи («новый слог»). В этой периодизации показан момент колебаний относительно церковнославянского языка, который после долгих сомнений стал каркасом складывающейся литературной нормы — поскольку только этот язык к тому времени обладал законченной нормой.

Можно также воспользоваться результатами научной рефлексии о языке и принять грамматику Адодурова (1740) как выражающую представления о языке на первом этапе, грамматику Ломоносова (1757) — на втором, а грамматику А. А. Барсова — на четвертом; на третьем этапе грамматики не могло быть в принципе (хотя они составлялись, например, В. П. Световым), поскольку это время преобразования литературного языка на основе разрушающейся теории трех *стилей*.

Принимая во внимание все эти признаки, для удобства описания можно было бы разделить историю языка и культуры на следующие периоды:

1. — до 1740 г. — время не устоявшейся стихии языков и жанров; условно «Петровское время»;

2. — до 1765 г. — «Ломоносовское время»; с момента возвращения Ломоносова из-за границы (1741), начала активной деятельности «первого нашего университета» и до его кончины;

3. — до 1791 г. — время активной работы над созданием русского литературного языка и подготовки «Словаря Академии Российской» — «словесный период»;

4. — с 1791 г. — выход «Московского журнала» Карамзина как внешний признак перехода к «новому слогу».

Историческая смена «парадигм» на разных этапах становления литературного языка определялась логикой самого процесса его сложения, но также и общественными интересами, и прежде всего теми личностями, которые определили смену «парадигм».

На первом этапе возникает причудливая смесь «всего во всем», содержащая в себе и зерна последующего развития

литературного языка. Тут и представитель «высокой славянизмы» Федор Поликарпов, и сторонник разговорной речи Василий Тредиаковский, и ревнители старины, допускающие русские речения, как Феофан Прокопович, и любители иностранных словес, число которых растет по мере административных деяний Петра. На первом этапе наблюдается сильная и неопределенная изменчивость лексики, которая продолжается на втором этапе и снова разворачивается на четвертом; третий этап — «словесный» — относительно спокоен, потому что в теории трех стилей установлен баланс всех лексических средств языка.

Второй этап — приведение в порядок разбушевавшейся стихии славенорусского наречия. Ломоносов ученым оком обозрел пространства этого языка и создал знаменитую теорию «трех штилей» — гармоничное здание, в котором разместилось все богатство славянского лексикона и, в прямом смысле слова, в этой гавани на некоторое время достигло «штиля». Это удивительное сочетание духовной силы «Славяно-греко-латинской академии» и рациональной вдумчивости иноземной науки — классифицирующей науки Христиана Вольфа, у которого Ломоносов постигал современную философию. Кроме того, второй и третий этапы объединены общностью состояния: замкнутостью стилистических систем и изолированностью лексических планов. В известной мере сохраняется также привязанность слов к своим словесным формулам-синтагмам, хотя это уже не препятствует их многозначности; собственно, многозначность и «отторгает» их из традиционного сочетания.

На втором и третьем этапах обозначается сильная тенденция к нормализации лексического запаса, хотя еще и в условиях стилистико-семантической ограниченности — смысловое и стилистическое еще разведены. На третьем этапе отмечено намеренное возвращение к лексической архаике — естественное стремление получить слова для номинации отвлеченных понятий, но на традиционной основе. На этом этапе в дело вступает новая дворянская интеллигенция, между прочим, также побывавшая в Европе (Фонвизин, Радищев); являясь столичными жителями, они были писателями-моралистами, и как таковые, они должны были писать понятным простому читателю языком, но писать по-новому, не описывать, а именно *писать* — с обобщением мысли,

т. е. философически. В их текстах, уже нарушающих жанры «трех стилей», отмечается слияние отвлеченных славянских и конкретных русских слов, что находит более-менее сносное исполнение в их сочетании, приемлемом и доступном для понимания.

На четвертом этапе наблюдается тенденция придать книжному языку «кастовый» характер, искусственно отгородить от бытовой речи низов. «Новый слог» — изобретение московское, это единственное отличие его деятелей от деятелей предыдущего периода, отчасти еще продолжающих свою работу. Во всем остальном Карамзин и его сторонники совпадают с ними, кроме, пожалуй, еще одного: петербургские люди служилые, москвичи в основном вольные художники, позволяющие себе проявление модернизма в виде литературных текстов, написанных на «разговорах в светской гостиной». «Новый слог» — эпатаж столицы, но пока умеренный.

На всех этапах прослеживается явная недостаточность лексической системы литературного языка, она постоянно расширяется, углубляясь согласно понятиям *эссенциализма*: «удвоением сущностей» путем наращивания отвлеченных вариантов (*влияние — вливание, голова — глава* и т. д.). Ю. С. Сорокин не случайно говорил о «форме» слов (полногласные/неполногласные, форма с *-ж/-жд-*, *-ч/-щ-* и т. д.), поскольку именно форма направляла накопление содержательных форм слова («отвлеченные понятия — конкретные образы» и под.). Весь век проходил под знаком пуризма, сохранялось «славянорусское» ядро лексики как стабильная часть лексической системы. В целом на протяжении века происходит построение этой системы: выделяются особые стилистические планы в лексике (вертикальная проекция), создаются особые словообразовательные разряды слов (горизонтальная проекция) и устанавливается «классификация лексики по признаку идеографическому или предметно-тематическому», что создает необходимую глубину проекции. Заметно тяготение к срединному второму этапу, результатом которого стало формирование теории трех стилей, в единой связке объединившей язык, стиль, жанр и ту неуловимую пока субстанцию, которая впоследствии стала именоваться семантикой.

«Простый слог» явлен в противопоставлении к церковнославянским высоким словам, именно его внимательно изучает Ю. С. Сорокин в большой статье 1949 года (ей предшествовали тезисы «Просторечие как термин стилистики», 1949). Как немаркированный, этот слог имеет варианты, обозначенные в «Словаре Академии Российской» (САР¹) как отмеченные пометами:

Группа 3. *просто* — только письменная форма разговорной речи, функционально равная «славенской»; различия между ними формальные: *есень* — *осень*, *моць* — *мочь*, *вран* — *ворон* и под., которые не даны в САР¹ как самостоятельные слова;

Группа 4. *просто-речие* — речение, т. е. как говорят в обиходной речи;

Группа 5. *просто-народное* (низкое просторечие), т. е. «говорящий народ», которому принадлежат обе последние категории, находящиеся в дополнительном распределении, а у Ломоносова отмечены в 5 группе слов.

«Просто» — вовсе не «грубо», в старом значении слова это значит — «открыто» для изменений, уточнений и добавлений — в отличие от законченности «славенской» лексики; «просто» — «пусто» место, которое может быть и будет заполнено как «среднее». В схеме Ломоносова группа 2 (слова, общие русскому и славенскому) является промежуточной между группами 1 и 3; таким же медиатором между группами 3 и 5 выступает группа лексики 4 (здесь преимущественно сосредоточены слова группы 5 в переносных значениях — «образ образа», т. е. такой же символ, как и у слов группы 2). Таким образом, эквивалентная по существу оппозиция «русское — славенское» разбивается на конструктивную градуальность с тем, чтобы в конце концов, к завершению века, предстать привативным принципом «конкретность — отвлеченность». Так действовал механизм выработки понятийных значений на основе столкновения символов верхнего ряда и образов ряда нижнего. Развитие понятийного мышления, сменявшего средневековое символическое, выдвинуло свободное «простое» на первый план сознания. Входящая в этот разряд лексика, способная к изменениям, образовала цементирующую среду сближения церковнославянского и русского языков, мягко и настойчиво создавая зримые контуры общенационального языка. Литературный язык — язык интеллектуального действия,

и ориентация на понятие сыграла свою роль в этом важном процессе.

Границы между тремя степенями приметы «просто» зыбки и также постоянно изменяются в зависимости от места и времени речи [Сорокин 1949].

Просторечные слова поднимались вверх по мере утраты свойственных им грубости, эмоции и экспрессии — образного флера, они стали стилистически нейтральным средством выражения понятий, тогда как простонародные слова (диалектные) очень редко входили в сферу литературной нормы (среднего стиля), да и то только в XIX в. (*животрепецующий, мягкотелый, подоплека, сплотить* и др.). Еще в XVIII в. в литературных текстах, т. е. в языке литературы, могли употребляться слова типа *ась, гайтан, домовище, куликать* ‘пьянствовать’, *кручина, ляд* ‘несчастье, неудача’, *честить* ‘угощать’, *чечениться* ‘жеманиться’ и т. д., т. е. они входили в разряд «просто», но, как противопоставленные другим русским словам, более распространенным, они уходили из употребления (*ась?* = *а?*, *гайтан* = *шнурок*, *домовина* = *гроб* и др.). Стилистически не нормализованное, просторечие оставалась о т к р ы т о й (т. е. *простой*) системой.

Переносные контекстуальные значения отмечены и у грубых по смыслу слов, но такие слова не попали в литературную речь: *лупить* (взятки), *наплесть чепуху, плестись в хвосте, слетать за чем, плевать на что, тащиться* и т. д. Все это глаголы, выражающие эмоцию, непосредственно и выразительно указывающие на признак, важный именно в данный момент речи. Это до конца не развитое содержание (образ) нового понятия, никак не фиксированное в самостоятельном слове. В САР¹ перечислены сотни таких глаголов с пометой «простонародное», которые, не в пример глаголам, впоследствии развивали соответствующие понятия в случае, если признак давал отвлеченное содержание, ср. *взабалмошность, визгливость, задушевность* — и которые как таковые входили в состав литературной речи. Ю. С. Сорокин отметил и следующую особенность в толкованиях САР¹: здесь генетически одно и то же слово относится к разным стилевым уровням в зависимости от своей формы, ср. *болярин* — славенское, *боярин* — простое, *барин* — просторечное; *вести-мо* — простонародное, *вестимый* — просторечное и т. д. Это

указывает на то, что к концу века стили в смысле, понимаемом Ломоносовым, уже не действовали на практике, в силу входили стили функциональные. На материале, представленном в статье Ю. С. Сорокина, можно показать движение просторечной и простонародной (диалектной) лексики:

	Просторечные слова	Простонародные слова
Вскоре вошли в литературный язык	<i>быт, дельно, жадный</i> (всего 25 слов)	<i>барахтаться, белобрысый, впервые, вычурь, рухнуть</i> (всего 43, в основном глаголы)
Тоже вошли на правах разговорных	<i>подбочениться, бурчать, коверкать, ковырять</i> (всего 30 слов)	<i>ахинея, балагурить, дребедень зубоскал</i> (всего 31 слово)
Сохранили свой окололитературный колорит	<i>бурда, головорез, жрать, издохнуть, пустомеля</i> (всего 34 слова)	<i>авось, валандаться, вторить, вякать, дрыхнуть, хапать</i> (всего 26 слов)
Перестали употребляться	<i>варакать, вдругоредь собить, шильничать</i> (всего 32 слова)	<i>бахарь, балабон, зобать, колты, наянливый</i> (всего 46 слов)

Таким образом, из 267 слов, описанных Ю. С. Сорокиным, в литературный обиход вошло 68 слов и 61 на правах разговорных, но «окололитературная лексика» также со временем не миновала разговорного статуса (еще 60 слов) — итого 189 слов (70 %) в той или иной степени проникли в сферу «литературной» речи. Такой большой процент определяется показаниями САР¹, в действительности же он был значительно ниже. В разных местах России употреблялись свои просторечные и простонародные формы, неизвестные в других местностях; САР¹ отмечает только те диалектные формы, которые по своей распространенности уже стали общерусскими, т. е. по крайней

мере по одному признаку — общеупотребительности — приблизились к литературным словам. Во втором издании словаря они уже указаны без помет.

Как основной содержательной формой воплощения символ высокого и образ низкого стилей в едином противопоставлении понятийному среднему становились средством порождения все новых понятий, последовательно воплощаемых в литературном (среднем) стиле. Антиох Кантемир в своем переводе «Разговоров о множестве миров» Фонтенеля (1730-е гг.) использовал слова «средних» групп, он тонко соединял «переходные» швы стилистического ряда, «соединяя свободно здесь и наиболее привычные и усвоенные литературным употреблением генетические славянизмы, и характерные формы просторечия (впрочем, как правило, избегая крайностей «простонародного» его слоя, сливавшегося с диалектной стихией» [Сорокин 1982: 84–85]; тем самым в своей практике Кантемир подошел к той норме нового «среднего слога», которая была определена в знаменитом рассуждении Ломоносова [Сорокин 1982: 85].

Перетеканием «стилей» под давлением сверху, со стороны высокого стиля, и снизу, со стороны низкого, и создавался средний стиль как совмещение двух посредствующих *средних*, приведших сначала к усреднению в верхней полосе стилей, а затем, с 1760-х гг., и в нижней. До того категории, поименованной как «русизм», в языке *не было*, все это по преимуществу слова, общие для церковнославянского и русского языков, а также «вразумительные» славянизмы. Этот стиль стал наполняться содержанием — приобретая понятийный статус — только после установления Ломоносовым «трех штилей». Ю. С. Сорокин настойчиво говорил о «форме» слов, которая направляла накопление содержательных форм концепта-слова. Как практик, Кантемир не имел никакого представления о «среднем» стиле; для него реально существовали слова, общие для церковнославянского и русского и общие для русского и диалектов (во втором случае на основе общности грамматики). Средний стиль поначалу всего лишь абстракция символического характера, ученая идея, которая стянула в сферу своего влияния все лексемы сверху (отвлеченные понятия на основе символов) и снизу (конкретные образы).

Понятийные значения кристаллизовались в столкновении высоких символических и низких образных значений.

Гениальность Ломоносова состояла в конструировании идеального среднего стиля. Здесь он руководствовался указанием своего немецкого учителя, Христиана Вольфа: наука — это правила логического вывода, а «готовность разума все то, что обстоятельно быть должно, неопровергаемо доказать»; это философия «упорядочивающая», а «механистический метод мышления» Вольф развил «до логического конца» [Артемьева 1996: 43, 50]. До логического конца с неким упреждением результатов развил свою теорию и Ломоносов. В «Словаре Академии Российской» девять десятых всех цитат даны из текстов Ломоносова, а это свидетельствует в пользу утверждения, что его теория трех стилей вовсе не «сразу же устарела»: кроме поверхностных особенностей этой теории в глубине русской ментальности действовали ее сущностные моменты, один из которых ясен: с этой теории снята *норма литературного языка* — род в отношении к *видам* стиля.

Другим следствием этой теории стал рано обозначившийся переход от жанра к стилям, позднее в текстах оформившийся как функциональные стили. Это сложная структура, углубляющая состав литературного языка на новом этапе его развития. В нем слова в целом являются мельчайшими элементами речи вместо прежнего текста, состоявшего из словесных формул. Теперь слова выделены в самостоятельность до такой степени, что стало ясно: *обаваю* — неприемлемая форма слова, а то же слово в другой форме *обаяю* — возможно, *точию* — неприемлемо, а *токмо* — возможно и т. д., ср.:

нельзя	<i>точию</i>	<i>понѣ</i>	<i>зѣлю</i>
можно с ограничением	<i>токмо</i>	<i>понѣже</i>	<i>вельми</i>
общие	<i>толико</i>	<i>посему</i>	<i>весьма</i>
русские	<i>только</i>	<i>по(э)тому</i>	<i>гораздо</i>
«подлые»	<i>токо</i>	<i>тако</i>	<i>очюнь</i>

Можно бесконечно много говорить о вкладе Юрия Сергеевича в современную науку о русском языке, об основательном *фундировании* этой науки добротным материалом, о живых

традициях его научной школы, но, я думаю, другие исследователи восполнят мои отрывочные воспоминания и отметят научные результаты Ю. С. Сорокина квалифицированной и почтительной интерпретацией.

Литература

- Артемьева 1996 — Т. В. Артемьева. История метафизики в России XVIII века. СПб.: Алетея. 1996.
- Сорокин 1949 — Ю. С. Сорокин. Разговорная и народная речь в «Словаре Академии Российской» (1789–1794) // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. Т. I. М.: АН СССР. 1949. С. 95–160.
- Сорокин 1954 — Ю. С. Сорокин. К вопросу об основных понятиях стилистики // Вопросы языкознания. 1954. № 2. С. 68–82.
- Сорокин 1982 — Ю. С. Сорокин. У истоков литературного языка нового типа (Перевод «Разговоров и множестве миров» Фонтенеля) // Литературный язык XVIII века. Проблемы стилистики. Л.: Наука. 1982. С. 52–85.

Словари

- САР¹ — Словарь Академии Российской. Т. I–VI. СПб. 1789–1794.